

ЗРИТЕЛЬ

ДЕВЯНОСТО ДВА

18+

Девяносто Два Зритель

<https://litres.ru/74294534>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Я некрасиво начал эту жизнь и некрасиво её закончил".

Когда месть становится жадой, а справедливость - безумием.

После трагедии, разрушившей его семью в стенах Желтого Дома, главный герой одержим единственной целью - заставить аукционера Жана Бэнкса расплатиться за содеянное. Встреча с казалось бы, равнодушным Эгилем становится тонкой нитью к мести, которая должна стать холодным возмездием. Но продолжая утопать в своей злости, в своём разочаровании, его рациональная месть превращается в слепую ярость. Теперь под вопросом не только судьба аукционера Жана, но и собственная душа и рассудок.

Кто на самом деле контролирует эту игру? - он сам или тот человек, которого он принял за своего друга?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	41
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Девяносто Два Зритель

Глава 1

Я некрасиво начал эту жизнь и некрасиво ее закончил.

Норвегия, Харстад 2008 год. Двухэтажная, потрепанная библиотека на окраине города, что давно всеми забыта. Я сидел на широченной скамье за столом и задумчиво, уткнувшись носом в тетрадь, потирал край уха карандашом. В эту самую тетрадь я выписываю каждую гадость из своей головы. Это не личный дневник, там нет моих настоящих мыслей, там честные гадости. Лист за листом пропитаны ненавистью ко всему окружающему, всякий прохожий, что рожей не вышел или поведением раздражал, уже внесен в эти строчки.

Задрав рукав повыше, я вжал карандаш в бумагу так, что грифель сломался, оставив кляксу. Пришлось писать тупым обрубком : *«12:41, мужчина в зеленом свитере с маленьким ребенком. Пацан испачкал мое пальто мороженым, на что папаша засмеялся и потрепал своего отпрыска по голове. Я схватил мелкого за руку и было дело, хотел наругать, как неожиданно мужчину это рассердило. Я ушел. Умрите. Умрите оба»*. Неожиданно я почувствовал, что на меня, будто в упор, смотрят. Обернулся и тут же раздался звон-

кий удар костяшкой пальца по столу. Задрав подбородок, я устало глядел на незнакомца. Тот пялился в ответ, аккуратно поправляя красный шарф. В другой руке у него красовалась новая, лакированная, сложенная шахматная доска. Сразу видно — дорогая вещь.

— Я хочу сыграть с тобой. — Начал красный шарф.

Не желая с ним связываться, я прибрал карандаш в карман и собрался уйти, как незнакомец перегородил мне путь и добавил:

— Одну партию.

Он украдкой поглядывал в тетрадь, а затем снова переводил взгляд на меня. Ответа незнакомец дожидаться не стал и принялся раскладывать доску с фигурами. Медленно и воодушевленно он передвигал блестящие фигуры. Каждая пешка стояла ровно в середине квадрата, каждый конь повернут носом в самый центр.

Усевшись не напротив меня, а на ту же скамью, красный шарф протянул в ладони белого короля, давая понять, что он уступает мне первый ход и разрешает самому задать ритм этой игры. Я сразу нахмурил брови на его самодовольное лицо, но рука все же скользнула за королем. Незнакомец улыбнулся и сложил руки в замок, уставившись на меня. Тогда я потянулся за пешкой, но замерев на мгновение, посмотрел на его выражение. Сразу видно, сидит и думает, какой я простой, начинаю с пешки. Быстрым движением пальцы хватают коня справа и откидывают его на три клетки вперед. А

потом мои глаза надуваются в два шарика, соперник ответил пешкой.

Так проходят 5 минут, я не торопясь, но с интересом передвигаю фигуры по полю. Красный шарф же не отрывая глаз от моих рук, следит за каждым движением и очень нескоро делает свой ход. Будто специально измеряет мое терпение. И как только замечает ёрзание в моем взгляде, мягко поднимает, словно наугад, фигуру.

Миновав еще около 15 минут, прежний интерес перерос в жадность. Злорадствуя, руки хватили деревяшки, таща их на свою сторону. В шахматах я никогда не выделялся, поэтому весь упор уходил на то, чтобы собрать как можно больше фигурок соперника. Каждый его выпад на следующую клетку, атаковался моей беленькой ладьей или высоченной королевой.

— Ты играешь так, будто мстишь за прошлый проигрыш.
— Усмехнулся красный шарф, прикрывая рот ладонью.
— Нормально я играю.
— Деля ход, ты ждешь не моего ответа, а моей реакции.
— Прищурился он, облакачиваясь на руку — Тебе не важен процесс игры, тебя интересует только ее итог.

Я скривился, не пряча злобы и твердо ударил фигуркой по доске. Он играть пришел или дискутировать?

— Ну да, — выплюнул я — и что с того? Мне нужно выиграть.

— Зачем?

— Я должен хоть где-то выиграть.

— И где же ты проиграл?

— Тебя это не касается.

Красный шарф тихо усмехнулся, будто намеренно, чтобы я заметил, и отдал на съедение одну из башен. Пешка проглотила ее и двинулась на забытого короля, который так и остался стоять на своем месте. Незнакомец поначалу даже не обратил внимания, пока я стукнул пальцем по доске. Мое сердце давно так не сжималось от нетерпения, что я вот-вот одержу победу.

— Желтый Дом. — Шепотом выпалил я.

Соперник поднял вопросительный взгляд.

— Жан Бэнкс из Желтого Дома разрушил мою семью, ему я и проиграл. — Поджав губы, пальцы неожиданно превратились в неуверенные палки, что с трудом обхватывали фигуры — Хотя нет, я проиграл самой жизни.

— Хочешь сказать, знаменитый аукционер убийца?

— Этого я не говорил.

Опустив голову, я понял, что выиграл. Король противника окружен со всех сторон, я поставил шах и мат. Однако все выглядело странно, точно ли это я выиграл? Или мне позволили выиграть?

Соперник без доли сожаления поправлял криво поставленные мной фигуры. Его лицо ни чуть не скривилось и не показало ни одной эмоции. Окинув поле взглядом, он поднялся, накинув шарф и зашагал к выходу.

— Уже уходишь? — Я резво двинул шахматную доску, что пешка закружилась по клеткам.

— Ты просчитался. — Уставился красный шарф — Радуюсь побежденным фигурам, ты не заметил, что несколько раз я крал твои. Понимаешь о чем я? — Он взял мою руку и вложив в нее белого коня, сомкнул в кулак — Шахматное поле не реальная жизнь, в этот раз тебе повезло. Но воплоти ты это в реальности, твой выигрыш навсегда останется проигрышем. И шанса на реванш уже не будет.

Замерев, я смотрел на украденного коня и пытался вспомнить сколько же еще моих фигур незаметно исчезло. Тень соперника уже начала отдаляться, как вновь слышался голос.

— Кстати, с Жаном Бэнксом я знаком лично.

— Постой! — Вскочил я.

— Если сможешь найти меня, я помогу. Шахматы тебе в помощь.

Входная дверь с гулом захлопнулась. Я еще мог догнать его, но он точно ничего так запросто не расскажет. Остается повиноваться правилам и всматриваться в поле, которое до сих пор оставалось горячим, после проведенного на нем боя.

Понять задумку оказалось тяжело. Каждый ход означал маршрут? Нет, я не вспомню все его ходы, это невозможно. Может определенные фигуры это какие-то люди? Тоже неверно, у нас не может быть так много общих знакомых. Странно. Что еще может скрываться в доске? Как она мне

поможет? И неужели, он в заранее знал, что предложит еще одну встречу? В голове начинало мутнеть, подобраться к разгадке казалось невообразимым. Мысли постоянно путались друг о друга и возникала новая сеть вопросов. Вспомнив про упавшую пешку, я вернул ее на прежнее место и в голову, как током, ударился один из вариантов. Это карта? Если мой король — библиотека, ферзь — банк через дорогу... точно, каждый раз, когда ему предстояло сделать шаг, наглый незнакомец сначала тянулся к башне. И что странно, защищал он именно ее, поэтому мне и удалось победить его. До своего короля ему и дела не было. Выходит, там и нужно искать красный шарф, мою тонкую нить к мести.

Близился вечер, на улицах затаились сумерки. Долго искать не пришлось, в округе, на который указывала башня, зданий немного. Между невысокими, стиснутыми в облипку домами, стоял кафе-бар в один этаж с тускло светящей вывеской «Толпа». Я побродил возле него какое-то время, сомневался, точно ли это именно то место. Но не заметив поблизости других заведений, все же зашел внутрь.

Перед глазами резко вскочила единственная официантка и поприветствовав с бесформенной улыбкой, прыгнула в сторону, шаркая ногами. В помещении стояла такая тишина, что в ушах звенело. Я огляделся и приметил за барной стойкой молодого парня. Тот одет как с иголочки, отпаренная рубашка со строгим воротником, идеально сидящая бабочка и уложенные лаком волосы. Я топорно подкрался к нему бур-

но вывалил на одном дыхании:

— Я ищу парня с красным шарфом и темными волосами.

Официантка удивленно, вперемешку с недовольством зыркала в мою сторону. Услышав кто мне нужен, она и во все фыркнула, отвернулась и уселась за столик в конце зала. Бармен же поначалу свел брови и скрестил руки на груди, но вскоре быстро смекнул, о ком я говорю.

— А, вероятно, вы ищите Эгиля.

— Приходите завтра! — С раздражением кричала та девушка из-за стола.

— Но он нужен мне прямо сейчас.

— Извините, ничем не можем вам помочь. — Отрезал бармен и принялся протирать стакан.

Я вернулся домой. В квартире я давно не убирался, на кухне возле раковины начала прорастать плесень, да и в ванной тоже. В коридоре прямо у полки с обувью кучковались не выброшенные мусорные мешки.

Перешагнув не стиранную гору белья на полу, я зашел в спальню. Уселся на кровать и неудобно упершись локтями в колени, мыслями зацепился за Эгиля с его дурацким, напыщенным тоном. Подумаешь, фигурки украл. Я бы все равно выиграл.

То, к чему я так долго пытался подобраться, встало передо мной само собой. Я на один шаг ближе к Жану. И все, что мне нужно, это прийти к Эгилю.

В 9 утра следующего дня я уже топтался напротив бара и

не решался войти. Этот незнакомец кажется нацеленно подошел именно ко мне, сам привел меня сюда, будто за руку. Я не знаю его намерений, не знаю к чему это приведет. Сейчас мне остается только глупо верить в то, что для него в этой помощи тоже будет какая-то выгода, что он попросит что-то взамен.

Стоптав несколько кругов вокруг себя, я понял, что другого шанса может не быть. Кто, если не красный шарф подвинет меня к Жану Бэнксу? Тогда рука тут же ухватила за ручку и дернула дверь. Переступив порог, я сходу выкрикнул:

— Тот человек, он здесь?

— Я вас провожу! — К удивлению, мило ответила официантка с розовой помадой на губах.

Мы спустились в подвал, один этаж вниз. Подвал, стоит отметить, выглядит презентабельно. Можно подумать тебя ведут не под землей, а через коридоры в каком-то крутом небоскребе. Изредка на стенах висели картины, небольшие, но с громоздкими рамками. Рядом с каждой установлен спот с теплым светом.

Когда мы подошли к широкой двери, официантка остановилась и сжав фартук на поясе, обернулась с воткнутой подбородком в грудь.

— Вы себе только хуже сделаете. — Едва слышно прошептала она.

— О чем вы?

— Скажите, что вам пообещал Эгиль?

— Рассказать об одном человеке.

— Как узнаете все, что вам нужно, уходите. — Прикусила та губу, не поднимая глаз.

Я дернул бровью и криво усмехнулся на ее слова. Обойдя официантку стороной, я почти торжественно распахнул тяжелую дверь. Меня встретил просторный, не уставленный мебелью кабинет со слабым запахом хлорки. Справа располагался стол с простеньким, деревянным стулом, установленные спиной к входу, где нагнувшись над столом, сидел красный шарф.

— Ты меня поразил. — Не оборачиваясь, начал Эгиль. Он смотрел в какой-то документ и натянуто улыбался, а затем легким движением руки поставил подпись снизу. Бросив листок к остальным, красный шарф повернулся всем телом, бросил ногу на ногу и облокотился на ладонь — Не думал, что так скоро найдешь меня.

— Условия выполнены. Расскажи об аукционере.

— Так сильно жаждешь мести? — Усмехнулся Эгиль.

— Спрашиваешь еще? — Голос язвительно дрогнул — Сильно ли я хочу мести человеку, разрушившему мою семью?

— Понятно, не кричи. — Закинув руку на спинку стула, он пригвоздил глазами мою потрепанную обувь — Ты хоть раз бывал в Желтом доме?

Прожевав слюни, я двинул ком в горле и стыдливо выдал:

— Нет. Меня туда не пустили.

— И как ты собрался мстить?

— Этого я еще не решил.

— Я могу тебе помочь. — Выдохнул Эгиль и поднялся к вешалке с металлической ножкой. Накинув пальто и аккуратно завязав шарф, он остановился у двери — Твой дряхлый байк выдержит нас двоих?

— Да...но откуда ты знаешь, что я приехал на байке?

— Пока ты терся у входа, мне обо всем доложили.

Я кивнул с округлыми глазами и вжался на месте.

— Сейчас мы поедem в Желтый Дом. — Сказал Эгиль.

Глава 2

Невероятных масштабов здание. Великолепный забор с изогнутыми узорами и золотой патиной, что ярко отсвечивает на солнце. За ним ухоженный газон, выложенная кирпичом дорожка и облицованные мрамором колонны с ребристым фустом. На входе стоит охрана в белых перчатках и в форме, будто гвардейца. Оба выглядят как игрушечные солдатики, замершие в одной позе. Одна рука за спиной, вторая аккуратно загнута на уровне пояса. Охрана одним мягким движением распахивает перед нами высокие двери. «Вот, что значит, знать Жана Бэнкса лично» подумал я.

Заглянув внутрь, в уши сразу ударила классическая музыка. Она отражалась от каждой стены и заполняла собой все пространство. Я словно находился внутри музыкальной шкапулки. После слухового наслаждения, мои глаза тоже получили свой небольшой экстаз. Здесь все сверкало и блестело, казалось, что стены покрасили какой-то невидимой краской с блестящим отливом. А до чего же огромная люстра висела в самом сердце потолка. Это не просто лампа, это великий, винтажный прожектор.

Все посетители тоже соответствовали этому Дому. Дорогая одежда, изысканные аксессуары с большими драгоценными камнями, модная прическа и будто, благородное лицо. Тогда я понял, это место для избранных.

Однако наблюдая за этим торжеством, я заметил, что все выглядит не по-настоящему. Люди не смотрели за живым оркестром на сцене, кто-то перешептывался с остальными, другие сидели уткнувшись носами то в телефоны, то в какие-то бумаги. И сам оркестр не наслаждался своей игрой, скорее механически выполнял заученные движения.

— Неужели концерты это прикрытие?

— Верно, — подтвердил красный шарф и тут же ускорил шаг — это лишь на словах между людьми акционерный дом. Официально это что-то вроде театра. — Он остановился и скрестил руки на груди. Перед нами были сцена и кресла в бардовой оббивке с золотыми, извилистыми ножками — Смотри, — Эгиль кивнул на толстяка с зеленой бабочкой, что будто режет ему горло — у него под сиденьем коробка. Сейчас он поднимет руку и к нему подойдет человек. В обмен на это коробку, работник даст ему билет.

— Но, где сам аукцион?

— Ты все это время не знал? Аукциона, который существует в твоём понимании, здесь нет. — Он прислонился к стене и поправил свой ворот — В этом месте продают идеальные подделки. На счет билетов, — Эгиль посмотрел на меня и даже не постарался рассказывать правду чуть тише — есть всего два вида билетов, черные и белые. Запоминай, это важно. По черным проходят обычные игроки, иными словами — обманутые люди. На аукционе они получают фальшивку вместо оригинала. Белые же в свою очередь, выдаются тем,

кому выплатят в конце процент с продажи ими принесенного товара.

— То есть, ты хочешь сказать, что в той коробке ненастоящая картина?

— Именно. Вся эта игра — игра лжецов. — Медленно, почти по слогам добавил Эгиль. Понятно, выходит мама врала нам с папой. Хотела казаться лучше. Она всегда была строгой и суровой, требовала совершенства не только от себя, но и от окружающих. Ей, видимо, было стыдно признать, что ее работа заключается в том, чтобы обманывать других людей. Я даже не удивлен, что она решила скрыть этот факт.

Я помню один день. День за несколько лет до моего круглого одиночества. Забежав в дом и сбрасывая верхнюю одежду на ходу, мама громко приказала собраться всем на кухне. Торопливо войдя в след за нами и закинув свою любимую серую сумку на спинку стула, она поправила воротник рубашки и уселась, идеально выпрямив спину. Лицо было грозным и холодным, а руки строго сложены в замок на столе. Затем она еще раз все поправила, убрав лишние пряди волос со лба и только тогда начала говорить:

— Мы слишком долго тянули. Пора браться за обучение твоего сына. — «Твоего сына», мама никогда не говорила «нашего сына» или «моего». Я чувствовал себя ничейным. И каждый раз слыша это, хотелось ее ударить. Напомнив тем самым, что я не глухой. Однако я не мог поднять руку на маму. Какой бы чужой она не казалась, я продолжал надеяться,

что однажды она позовет меня погулять вместе с ней или хотя бы позавтракать. Я нуждался в маме, а не в воспитательнице — Асманд, — обратилась она к папе — ты должен обучить его высшему искусству. — Да, мама растила меня как будущего сотрудника Желтого Дома, а не как человека. Она родила меня только ради этой цели.

— Еще слишком рано! Ему только 10 лет, как ты себе это представляешь?

— Эта задача непосильна для тебя?

— Адела, дело не в этом. Посмотри на него, — папа аккуратно потрепал мои пушистые волосы и с упреком глядел на нашу чужую маму — это еще совсем ребенок.

— Он ничего не добьется, если мы не начнем сейчас. Либо это сделаешь ты, либо этим займусь я. И будь уверен Асманд, — она поднялась из-за стола и нагнувшись над беззащитной макушкой папы пригрозила — никаких поблажек ему не светит. — Уже в этом возрасте я понимал, что лучшей жизни я не увижу. Мать тиран и отец, который еле-еле пытался исправить ситуацию. После этого короткого разговора, что показался наоборот, слишком долгим и затяжным, мы как ни в чем не бывало приступили к ужину. На тарелке с кучей царапин валялось две небольших картошки, размером с мой детский кулак, горсть гороха и небрежно почищенная морковь. Лениво ковыряясь в своем скудном ужине, я незаметно зыркал на папу. Его волосы всегда были уложены и пахли вкусным, хоть и дешевым шампунем. Он выглядел разочаро-

ванным и бессильным. Иногда я представлял, что мы вместе с ним сбежим от этого монстра и каждый день будем есть по здоровому куску мяса. Жаль, что этого так и не случилось.

Закрытое мероприятие под видом концерта подошло к своему финалу. Не засиживаясь, гости слились в струйки и поспешили к выходу. Оркестр уже полностью затих. Загорелись все выключенные лампы и распахнулись тяжелые занавески, оголяя широкие окна. Помещение мгновенно наполнилось новыми красками, от чего хотелось не переставая, разглядывать его вновь и вновь. Я быстро заметил одну даму, с трудом помещающуюся в эту толпу. Она была одета в сиреневое платье с поетками, что тянулось за ней по полу и в норковую горжетку на шее. Выглядела она несомненно шикарно, вот только можно было легко рассмотреть, как тяжело ей идти. На ее шлейф уже несколько раз наступили, а тонкие шпильки постоянно скользили по глянцевой плитке. пышный зачес на голове был настолько тяжелым, что она с трудом поворачивала головой, лишь бы ее не перевесило в другую сторону.

В самом конце стройно стояли работники, провожающие весь этот нарядный цирк. Обычно, люди в сфере обслуживания улыбаются своим клиентам, но те были с холодными лицами. Они все до одного походили на роботов, которые автоматически машут тебе рукой. Когда один из них, самый крайний, развернулся и собрался уходить, тот, что стоял рядом резко схватил его за руку. Грозно зыркнул и грубо отта-

шил на место в строю. Тогда, каждый на него обернулся и приковал присуждающим взглядом.

Вся красота этого места, быстро стала походить на гниль. Аккуратная обертка, внутри которой скисшая конфета.

Я заметил балконы на втором этаже, когда мы еще только подходили к Желтому Дому. Поэтому оттянув Эгиля за локоть, я повел его по спиральной лестнице, ведущей на второй этаж. Перед нами открылся новый вид, не такой впечатляющий как снизу, но все еще пышный и величественный. На балкон вели стеклянные дверцы с ручками в форме колец, торчавших из носа льва. Выйдя наружу, кожу приятно покалывал ветер. Мне казалось, будто я забрался на самую верхушку Желтого Дома и глядел отсюда на неприметных людишек. Стоя здесь, я почувствовал, как мой час наконец настал. Оставалось разве что придумать свою схему действий, хотя бы приблизительную. Окинув взглядом территорию еще раз, я начал рассуждать:

— Я не стану терять рассудок, — и облокотившись на ограждение, вплотную смотрел на Эгиля. Я хотел увидеть его реакцию — заберу у него все, что ему дорого и ценно. Сделаю так, чтобы Жан самостоятельно свел счеты с жизнью от бесконечных страданий. — Сжав кулаки, мне оставалось только лишь ждать его ответа. Красный шарф молча наблюдал за выходящей толпой людей, сбрасывая глаза то на одного, то на другого. Он то ли думал над моими словами, то ли не обращал внимания. А после, вдруг одобрительно кив-

нул. Отстраненно, но он согласился. «Неужели, он и дальше пойдет за мной?» крутилось у меня на уме.

— Назови свою фамилию.

— Зачем?

— Попрошу Жана взять нас в Дом. Иначе как ты собрался мстить ему? — Его уголки губ снова издевательски натянулись — Хочешь продолжать ошиваться возле окон Желтого Дома?

— Мы ведь ничего не умеем. С чего бы ему брать нас на работу, тем более в такое место?

— Просто назови уже свою фамилию.

— Йохан Ларсен.

— Иди за мной. — Приказал Эгиль. Мы снова пустились бродить по коридорам. Длинным, будто в тумане коридорам, вдоль которых, то и дело стояли большие горшки с кустами. Меня до костей пробивала тревога и странный холод, будто иду не в кабинет Жана Бэнкса, а в логово стаи волков. И вот, торжественный момент подкрался еще ближе. Мы стояли перед дубовой, массивной дверью. Не постучав, красный шарф без лишней задержки отворил дверь. Я сразу учуял сильный одеколон с запахом цитруса. Передо мной увешенная картинами комната, но без перебора, словно замысловатая задумка. На журнальном столике возле кресла стоит небольшая скульптура женщины, в руках которой, намертво застыло солнце. И наконец, сам Жан Бэнкс. Я впервые видел его в живую. По началу, было даже страшно поднимать на

него глаза. Он напоминал чем-то ястреба, на нем был элитный костюм с маленькими запонками, выполненными на заказ и совсем новые туфли. Взгляд у аукционера был пронзающий, смотрящий сквозь тебя. Как будто он берет своими ручищами твою душу за шкуру и тресет ею ради забавы.

— Ну здравствуй, Эгиль. — Утопающий в кожаном кресле мужчина аккуратно сложил журнал со статьями о редких коллекционных предметах и швырнул на край стола — Кто это с тобой?

— Йохан Ларсен.

— Ларсен говоришь? Интересно...

— Я хочу попросить тебя об одной услуге. Возьми меня и Йохана в Желтый Дом.

— Смелое заявление. — Жан поднялся из-за стола и обойдя его, прислонился к краю. Он терпеливо разглядывал меня с ног до головы, а затем спросил — Неужели ты, Йохан, решил повторить путь своей матери?

— Вроде того, — огрызнулся я.

— Это хорошо, что ты пришел. Я даже ждал тебя. Знаешь, Адела была одним из лучших экспертом по качеству. Она часто помогала мне и предлагала свои идеи, как лучше толкнуть товар. Ее задумки, стоит заметить, всегда проходили успешно. Женщина с большой буквы и с блестящей репутацией. Позже, она даже стала знаменита среда народа и самостоятельно организовала и провела два аукциона. Ты, наверное, гордишься своей матерью. Но со временем, — густой

голос Жана вдруг осел — ее разум помутнился. Адела стала походить на чокнутую фанатку искусства, а после и вовсе свихнулась на деньгах. Начала приходить на работу пьяной, тогда она сильно разочаровала меня. Хватала посетителей за груднички и с сумасшедшими глазами просила приносить больше подделок, в надежде, лицезреть самую идеальную. — Вернувшись в кресло, тот облокотился на ладонь и отвернулся в сторону окна. В его взгляде билось какое-то отчаяние — По началу, я давал Ларсен отпускные, думал, в личной жизни разлад какой случился. Посидит дома и придет в себя. Однако сколько бы она не отдыхала, ситуация продолжала усугубляться. Тогда, я пригрозил ей увольнением. После этого, Адела пропала. — Закончил Жан немного смеясь в лице. Ничего хуже нет, чем слушать историю о своей матери от такого человека как он. Но мне нужно было сохранять равнодушие, иначе светил бы мне самый быстрый в моей жизни провал. Эгиль же молча слушал, он и бровью не повел, будто знал все в заранее. Впрочем, как я успел уже заметить, он всегда так выглядит, ничего удивительного.

— Тогда, устрой нас экспертами по качеству. — Неожиданно попросил красный шарф.

— Экспертами? Ты уверен, что хочешь занять именно эту должность, а не другую?

— Да.

— Что-ж, имейте ввиду, вам в любом случае придется пройти обучение, — и немного подумав, тот добавил — я

сокращу его на сколько это возможно, но как минимум два года это точно займет.

Жан Бэнкс сдержал свое слово. Мы проходили долгую и тщательную практику, которая отняла у меня два с половиной года. Эти 923 дня разрушили все, кроме правил. С Эгилем мы не стали друзьями, мы стали деталями одного механизма, которым управлял Желтый Дом. Он шестеренка, что знала схему, я та, что тупила и скрипела. Эгиль поправлял меня без раздражения, но и без тепла. Много мы не разговаривали — он не хотел говорить лишнего, а я и не хотел этого слушать. И, кажется, именно в этих молчаливых диалогах и родилась та привязка, у которой не было имени. Доверим это не назвать, скорее привыкание. Как привыкает указательный палец к ручке.

Эгиль был явно смышленнее меня, он быстро понимал все уроки и так же быстро запоминал. Поэтому ему много раз приходилось помогать мне с заданиями, над которыми я подолгу ломал голову. Когда начались первые смены, под конец рабочего дня он принес в помещение для проверки две вазы. Поставил на стол прямо под лампу и сказал:

— Одна подлинник, династия Мин. Другая подделка, сделана вчера в каком-то гараже. Определи, какая. — Пока я осторожно всматривался в вазы, он наблюдал за мной, как за ребенком, который вот-вот сделает первый шаг. Покрутив предметы искусства в руках, я понял, что такое задание непосильно для меня. Глазурь, вес и даже звон... все одина-

ковое. Крошечная трещина на дне вазы тоже повторялась.

— Не получается, они идентичны. — Выдохнул я. Эгиль взял одну из них, и не меняясь в лице, ударил с размаху о край стола. Фарфор рассыпался с сухим хрустом. Смотря на осколки был виден профессионализм, ведь и они выглядели как самый настоящий оригинал.

— Идентичны, пока не проверишь на прочность. — Объяснил он, вытирая руки — Настоящее держится века, а это ломается от первого ветра.

Так и началась наша с ним работа. Каждый день я сидел на неудобном кресле с лупой в руках и разглядывал то мазки картин, то цепи украшений. Драгоценных камней мне еще не доверяли. В какой-то момент я даже заметил, что такой вид деятельности мне вполне по душе. Было тошно осознавать эту мысль, но и бороться с ней толку не было, я смирился. Как и смирился с тем, что два года бездействий утекли в никуда. Пара бессмысленных разговоров с Жаном, несколько знакомств с остальными экспертами и совершенно никаких важных новостей. Я попросту существовал в мире Желтого Дома и никак не продвигался в своей мести. Разве что Эгиль иной раз накидывал какие-то заумные варианты расплаты, которые для меня были настолько же непосильны, как и тогда, отличить подделку от подлинника.

— Ты закончил? — Поинтересовался красный шарф. Я работал над картиной «Красный берег» Эрика Ниллса. Сейчас я все видел сразу — качественная копия, уровня масте-

ра, а не гаража. Я поставил штамп «одобreno» и отложил лупу. Эгиль, проверявший через стол кольцо, бросил взгляд на штамп и почти незаметно кивнул. Это и было нашей высшей оценкой. Молчаливое одобрение того, кто когда-то разбил вазу у меня глазах, стоимостью в цену, которую платят за человеческую почку на черном рынке. 30,000 крон.

— Почти.

— Вот, держи. — В его руке лежала визитная карточка какого-то отеля — Я узнал, что здесь остановилась любовница Жана, Лейла. Изучи это место как закончишь.

— Как ты узнал об этом?

— Я просто хороший слушатель.

«Не хочет рассказывать» отметил я.

Глава 3

В голове не укладывалось, что я вот-вот натянусь над жизнью Бэнкса как большое, уродливое полотно. Я не собираюсь колыхаться из стороны в сторону, а буду неподвижно висеть над его посидевшей макушкой и контролировать каждый шаг. Любовница Жана, я уверен, потрясающая женщина с очаровательной наружностью, которую он выбирал из тысячи других бриллиантов. Лишив его этой девицы, ему ничего не останется кроме того, как ощутить груз потери и топить свое несчастье в алкоголе.

На самом деле, я совсем не задумывался над тем, как именно собираюсь мстить Жану. Меня никогда не привлекало составление продуманных планов, где каждый пункт будет расписан вдоль и поперек. Я всего навсего плыл по предназначенному течению и регулярно пополнял свое сокровище гадостями.

«18:02, старая кассирша с замызганным пучком на голове не дала поменять мне йогурт с дыркой в упаковке. Эта швабра сказала, что такой как я оборванец, не заслуживает нормальной еды. Надеюсь ее кости развалятся до того, как...», неожиданно меня прервал голос из-за спины:

— Ты узнал о том отеле? — Это оказался Эгиль — Лейла в любой момент может уехать, пора действовать.

— Он в двадцати минутах езды от сюда.

— Надеюсь, ты уже решил, что собираешься с ней делать.

— Для начала, запугаем ее. — Я впервые должен был врываться к кому-то и напасть, поэтому толком не знал, как правильно это делать. Как можно придумать план того, в чем не разбираешься? Но даже так, это вызывало блеск маленькой удовлетворенности в моих глазах, мне не терпелось скорее напугать Лейлу придуманными на ходу угрозами.

— Возьми на всякий случай нож, — подначивал красный шарф. Эгиль очень осмотнительный, он в заранее продумывал все исходы событий, поэтому мне остается лишь слушаться его и доверять. Я не думаю, что нож действительно нужен, но что, если Эгиль окажется прав? Попади мы в какую передрыгу, любое оружие пригодится.

Не откладывая времени, мы сразу же взялись за дело. Незаметно прокрались в комнату персонала и стащили форму уборщиков, одежда выглядела универсально, так что вполне смахивала на шмотье каких-нибудь сантехников. Скомкав и затолкав ее в рюкзак, мы поехали в отель «Жемчужина». Здание было невысоким, зато с панорамными окнами и террасой на крыше. Большая парковка, напичканная кучей разных кустарников, величественный вход с швейцаром возле громадной двери, и сверкающая на солнце вывеска. Стоя снизу, можно даже увидеть широкие зонтики на террасе, видимо они установлены над шезлонгами. Наверное, там и бассейн где-нибудь есть, как бы я хотел сейчас искупаться, а после плюхнуться в двухместную, пышную кровать

и ни о чем больше не думать. Пока мы проходили через парковку, я жадно заглядывал в каждое окно и во мне начинала бурлить зависть, я и бы и сам с удовольствием переночевал в таком отеле.

Чтобы не привлекать внимание портье, мы завернули за угол и быстро, поверх уличной одежды, накинули форму. Пройдя наконец внутрь, сзади в шею тут же ударил поток холодного воздуха от кондиционера. А в нос мгновенно врезался запах чистоты, это не та вонь хлорки или дешевого средства для мытья полов, это самый настоящий запах чистого помещения без единой пылинки. Плитка под ногами блестела, диванчик в холле выглядел совсем новым, без потертостей, а на журнальном столе рядом, были аккуратно выложены в виде пирамиды конфеты.

Не подавая виду мы прошли вперед, холл был разделен узеньким коридором на две части. На одной стороне ресепшен, на другой небольшая пекарня и лестница, ведущая к номерам. Аромат свежей выпечки и пряного кофе быстро приковал наши взгляды, и как выяснилось, мы приехали очень удачно. За круглым столиком возле пекарни стояла Лейла разговаривая по телефону. Выглядела она молодо, старше меня всего на пару-тройку лет. На ней был бордовый, шелковый халат с пышными рукавами, которые выглядели совсем неудобными. Лейла быстрыми движениями перемешивала только что высыпанную в чашку гору сахара и нервно поправляла густую капну волос. Затем девушка оставив

на столе грязную палочку, которая заменяла чайную ложку, поджала рукой бумажный пакет с пирожком и направилась к лестнице. Мы аккуратно последовали за ней, стараясь не подходить слишком близко. По телефону она сообщила своему собеседнику, что не собирается выходить сегодня куда-либо еще. Это было нам только на руку. Мы радостно переглянулись с Эгилем и поняв, что никто и нигде ее не ждет, уверенно поднялись вместе с ней на нужный этаж.

— Извините, — я остановил ее сразу, как она подошла к своей двери, и дождавшись вопросительной реакции, я приступил сочинять на ходу — сегодня проводится плановое отключение горячей воды. — На лице Лейлы уже прояснилось явное недовольство. Сжав картонный стаканчик, она снова взмахнула волосами убирая их назад — Вы не видели объявление? Я ведь просил расклеить его на каждом этаже! Приношу свои извинения за доставленные неудобства, но можете не волноваться, это не займет много времени. К 19:00 часам мы вернемся и подключим все обратно!

— Ладно, проходите. — Фыркнула девушка. Потянувшись к дверной ручки, рукав халата зацепился за нее и простонав что-то вроде «Господи!», она всем своим видом показывала насколько не желает нас видеть — Только побыстрее здесь заканчивайте. — Махнула она рукой, словно собакам и скинув пакет с пирожком на не застеленную кровать, уселась на миниатюрный диван. У Лейлы были довольно тонкие губы, которые она все не прекращала облизывать, издавая

противное причмокивание. Так и хочется зацепить их прищепкой или каким степлером. Еще я заметил, что у любовницы Жана странной формы ноги, как не до конца загнутое колесо. Но при этом, она все равно каким-то чудом казалась красивой, любой на такую фифу поведется. Вот только один ее гнусный взгляд и вся красота растворяется как сахарная вата в воде.

Времени у нас было в обрез. Бегло осмотрев тесную прихожую размером с спичечный коробок, я обнаружил небольшую дверцу снизу. За ней и находился отсек с вентилями. Наклонившись, я кое-как отколупал створку, передо мной оказались две узкие трубы и одна потолще. И хоть изначально не собирался, но для убедительности я действительно перекрыл ей воду. Я не знал что именно нужно крутить, поэтому перекрыл все вентили, что увидел.

На выходе из Желтого Дома Эгиль предложил мне для начала попасть в отель, чтобы мельком оценить обстановку и только после этого съездить в магазин, где я куплю нож. Ведь запугивание должно происходить в хоть немного знакомом месте, мы должны знать в какую сторону бежать в случае неудачи. Поэтому закончив с работой, мы молча вышли из ее номера и доехали до ближайшего супермаркета бытовых товаров.

Магазин оказался слишком большим, найти то, что ищешь сводилось к невозможному. Перед глазами кишели толпы народа, беспорядочно бегая с глубокими корзинами

из одного ряда в другой. А железные стеллажи уходили высотой почти в самый конец потолка, из которого как иглы ярко прожигал свет. Пройдя через множество отделов, я с трудом вышел на нужный. Почти в самом конце помещения, рядом с кастрюлями и сковородками висели кухонные приборы. Разглядев каждый товар по отдельности, я не знал какой конкретно нож мне стоит выбрать, они все были разными. Разделочные ножи, для хлеба и даже для томатов. Был и большой, с названием «топорик». Но ничто из увиденного мне не подходило. Универсальный тоже не понравился, слишком громоздкий, как-то не по себе таскаться с такой вещью в рюкзаке. Тогда глаза уткнулись в совсем маленький ножик для овощей, с ярко-синей рукоятью. Длина его лезвия составляет всего 13 сантиметров, идеальный вариант. Его я и выбрал.

— Перчатки тоже возьми, — заверял напарник.

— Они-то зачем?

— На всякий случай. — Повторилась его недавняя фраза.

Проскользнув в другой угол супермаркета мы быстро нашли перчатки. Однако тряпочных там не оказалось и пришлось купить резиновые. Жаль, я люблю мягкие перчатки, которые приятно обволакивают кожу и греют. Резина же противно воняет какими-то химикатами и пальцы в ней постоянно преют, из-за чего потом сильно чешутся.

Оплатив товары наличными, мы уверенно двинулись обратно. На улице становилось все темнее, а ветер почти исчез.

Сегодня было тихо как никогда, как если бы все люди решили помолчать для моего спокойствия. И только мой старый мопед кряхтел, будто собирается развалиться прямо на дороге.

Экран телефона показывал ровно 19:00, я и Эгиль стоим напротив дверей Лейлы. После моего краткого стука в голову вломилось куча мыслей. Как лучше ее запугать? Мне стоит кричать? Нет, соседи услышат. Может замахнуться ладонью, будто хочу дать леща? А может ножом? Что делать если она закричит или вызовет полицию? Этот шквал вопросов и раздумий оборвал щелчок замка. Дверь распахнулась и из-за нее вылезла недовольная девушка с нахмуренными бровями, вокруг которых собралась полоска тонких морщинок. Окинув нас осуждающим взглядом, она не поздоровавшись, молча ушла в свою комнату. За ней потянулся мягкий шлейф ванильного шампуня, но стоило заглянуть в спальню, представления о Лейле, как о красавице с вкусным запахом тут же развеялись. На пороге валялись кружевные трусы наизнанку, на прикроватной тумбе опрокинутый, пустой стаканчик из-под кофе, а на постели лежали скомканные полоски для депиляции. Ее совсем не смущало, что о ней подумают. Мне казалось, что таких как она, постоянно заботит мнение окружающих.

Опустившись на корточки, я полез открывать вентиля обратно. Убив минут 5 на безжалостное ковыряние той дверцы в коридоре, мне в голову пришел идеальный, как мне тогда

казалось, план.

Когда человек уязвим и расслаблен больше всего? Когда он спит. Я ткнул Эгиля локтем в бедро и движением руки подозвал к себе. Тот наклонился и я едва слышно прошептал:

— Дай мне снова ту визитку отеля.

Не задавая лишних вопросов, Эгиль по-копошился в карманах и доверчиво протянул карточку. Я подобрал рюкзак, старательно сделал вид, будто собираю какие-то инструменты и еще раз обвел глазами ее спальню и коридор.

— Мы закончили.

— Наконец-то! — Послышалось из другого конца комнаты. Ни благодарности, ни вежливого «До свидания» я так и не дождался. Эта язвительная фифа не удосужилась даже проводить, впрочем, на это я и рассчитывал.

— Хорошего вечера. — Не защелкивая входную дверь, я вставил в дверной проем визитку таким образом, чтобы та не дала замку закрыться. Красный шарф лишь безмолвно наблюдал с каким-то изумлением в лице. Видимо моя спонтанность показалась ему гениальностью. Покинув отель, Эгиль наконец поинтересовался произошедшим:

— У тебя появился план?

— Именно.

На мой ответ он легко кивнул и более не задавал ни единого вопроса. В этой тишине мы пешком добрались до ближайшего бара и уселись за самый крайний столик. Заведение

было достаточно старым и не особо людным, поэтому интерьер здесь давно не обновлялся. На столе лежала клеенка, уже пожелтевшая от времени и с парой царапин по краям. Официанты ходили в чем попало, объединял их только короткий фартук на поясище и бейджики.

Я заказал себе какой-то смешанный напиток, в составе апельсиновый сок вместе с ромом. Ну и дрянь на вкус. Однако послевкусие — это уже другой разговор. После первого глотка ты чувствуешь горечь с кислинкой, после второго сырость в горле, а после третьего приятную сладость. Эгиль ничего себе брать не стал, он только ковырял порванный край клеенки и пригвоздив взглядом мою тетрадь, жадно пожирал каждое, только что написанное слово о Лейле. Меня, наверное, никто так не раздражал, как Лейла. А как она на нас смотрела? Как на псин бездомных, которых приютила погреться. Для нее в моей тетради будет отдельное место, самое черное и самое грязное.

Несколько часов пролетели незаметно и наконец пришло время действовать. Совсем скоро будет рассвет. Я глупо завис возле ее номера. Не знал, что делать дальше и не понимал, почему не подумал об этом заранее. Красный шарф глухим толчком распахнул дверь и визитка державшая все это время замок, упала под ноги.

Приободрившись, Эгиль ярко улыбнулся и протянул руку вперед, снова давая понять, что уступает мне и дает задать ритм игре во второй раз. Но уже в реальной жизни, а не на

шахматной доске. Я же с ног до головы покрылся волнением, его равнодушие ни капли не успокаивало, а только загоняло в угол.

Нож, по указаниям Эгиля был не в рюкзаке, а в кармане. Синяя ручка немного торчала и упиралась прямо в локоть, от чего мешала руке свободно двигаться. Перешагнув порог, сразу послышалось сопение, Лейла уже крепко спала. Когда глаза привыкли к темноте я смог разглядеть все тот же самый бардак. Стало даже хуже, чем когда я заглянул сюда в первый раз.

Я подкрался к шторам и задернул их плотнее, затем тихими шагами дошел до любовницы и включил ночник над кроватью. Он был в форме симпатичной ракушки и светился как настоящая луна. Замерев над ее спящей фигурой, во мне разбушевался гнев. Совсем недавно она воротила от нас носом, будто мы в самом деле бездомные псины, а теперь мирно спит. Ну уж нет, этой теплой постели, даже такой как я достоин больше, чем она! А ее глаза, глаза как у дохлой рыбы, в них нет ничего, что бы заставило сжалиться. А руки? Скольких людей Лейла ими облапала? Мне противно находится с ней в одном помещении. Я хочу от нее избавиться.

— Эй, вставай. — Рыкнул я на девушку, сам того не ожидая. Но та лишь перевернулась на бок и продолжила сопеть — Лейла, время-то идет. — Я ткнул в ее бедро пальцем и наконец ее веки открылись. Такого бледного лица мне еще не доводилось лицезреть. Любовница робким движением при-

крылась одеялом и приподнялась с подушки. Она и звука не издавая, с жутким страхом пялилась на меня иногда переводя взгляд на Эгиля.

— Это же вы! Работники! — Вскоре вывалилось из ее рта.

— Лейла, ты мне так сильно не нравишься. Ты такая глупая, что дрожь берет!

— Что вам нужно? — С пискom выдавливал голос девушки — Деньги? У меня есть! Правда есть. В той бежевой сумочке. — Я продолжал молча вглядываться в нее, разглядывая каждый сантиметр. Что же в ней пришлось по вкусу Жану? Красива, но заурядна. Мила, но невежлива. Так по какой же причине он ее выбрал? Сдернув с нее одеяло, та с визгом уперлась в спинку кровати и обхватила себя руками. На ней была шелковая ночнушка с кружевами и неброская татуировка на ноге — Пожалуйста, возьмите деньги!

— Мерзость. Что Жан нашел в тебе?

— Вас подслала его жена? Я права? Так и знала, что она рано или поздно захочет от меня избавиться! — И немного расслабившись, та отпустила руки. Лейла снова поправила свои волосы и ее лицо быстро приняло умиротворенный вид — Как же она бесит! У нее и так денег валом, так какая разница с кем ее муж спит! — Меня даже поражало то, как легко она отпустила страх. И без малейшего оттенка ужаса, любовница удобно устроилась на кровати повернувшись ко мне всем телом — Ну, сколько она заплатила? Я дам больше, столько, что вы больше никогда не наденете эти обноски.

— Думаешь, нам нужны деньги?

— А что еще-то? Смотря на вас несчастных, так и хочется скинуть пару монет.

В эту же секунду мои руки сами пустились душить Лейлу. Я все еще помнил, что хотел лишь запугать, однако мои мысли и действия разделились какой-то чертой. Мое лицо уже давно покраснело от злости, а тело словно извергалось горячей лавой. Мне захотелось причинить ей боль. Раздавить, как назойливую муху. Эгиль в это время нерасторопно уселся на диванчик и стал наблюдать за этим мрачным шоу из-за спины. Любовница в панике вскочила и впопыхах столкнула меня ногой. Повезло, что не заорала. Я было дело, тут же пополз на корячках обратно за ней, но Лейла ударила меня снова. Больно. И интересно. С чего бы ей так сопротивляться? Неужели ее жизнь настолько ценна? Сомневаюсь.

Я всегда был вспыльчивым человеком, поэтому ее удары заставили меня закипать злостью только мощнее. Я подтащил ее за ноги и скинул с кровати, та бесформенной колобашкой покатила по полу, путаясь в своих же волосах. Я схватился за нож, который так удачно, почти выпал из кармана. Вспышки ярости, глаза блестят. Я стал Йоханом из своей тетради. Ударив ее ножом в то же место, в которое получил от нее я сам, девушка едва вскрикнула и попыталась перевернуться измазав ковер в крови. После чего, нож вошел в ее живот еще пару-тройку раз. Это ощущалось так, как если бы пришлось разрезать резиновое, сырое мясо. Я был поглощен

чем-то омерзительным, ладони вспотели и начали скользить по рукоятке. Острые зажимали слабые мышцы пресса, из-за чего лезвие немного застревало и с трудом выходило обратно. Липкие звуки заслоняли собой все пространство, я будто оставаясь в своей голове, не мог контролировать тело. У меня забрали пульт управления и сказали посидеть тихо. Но это не все, что я чувствовал, поровну с интересом на что-же я еще способен, во мне бушевал ажиотаж.

Стоп.

Я убил человека.

Эгиль не вставая с дивана, отдал аплодисменты. Я нервно перевел на него глаза. Он с веселым выражением разглядывал любовницу и скованно улыбался. Как сейчас можно улыбаться? Дыхание участилось настолько сильно, что кажется, я больше ничего не слышал. Его аплодисменты растворились в пiske, что был где-то глубоко в ушах. Я снова посмотрел на пол. Кровь расплзалась во все стороны. Зачем я послушался Эгиля? «На всякий случай»? На какой? На тот, если вдруг и без того беззащитная девушка накинется на меня? Зачем я переложил нож в карман? Это все красный шарф, это его вина. Он хотел убить Лейлу и осуществил свою задумку через меня. Ну конечно, меня использовали. Теперь он уйдет, оставив этот труп мне и я снова останусь один.

Сидя на коленях возле уже безжизненного тела, взгляд уперся в пустоту. Лейла больше не дышит. Запах пряной ванили сменился металлической вонью крови. Рукава формы

тоже были все измазаны, как и подошва на обуви. Повернув голову к зеркалу, я больше не видел себя. Там сидел кто-то другой, какой-то запуганный человек с ошарашенными глазами и раздутыми ноздрями.

Красный шарф сел на кровать справа от меня, закинул ногу на ногу и мягко вытянул нож из моей вялой руки. Он был в тех резиновых перчатках, что я купил.

— Нам пора.

— Эгиль... я убил. Эгиль, я только что убил человека.

— Я вижу.

— Что мне теперь делать?

— Просто уходить. — Его пальцы потянулись крутись мои волосы. Голос Эгиля был спокойным, тихим, он совсем не боялся последствий — Ты сам все слышал, Лейла подозревала, что нас прислала жена Бэнкса. На это все и спишется. — Уверял меня красный шарф — Пойми, Жан в любом случае не позволит полиции совать свой нос в это дело. В этом случае вскрыется то, чем он занимается в Желтом Доме, а кому это надо, верно? Он уберет все своими руками. Только представь, — Эгиль крутил нож перед своими глазами не давая стекающим каплям крови упасть — ему придется самостоятельно избавиться от своей мертвой любовницы.

— Да почему ты так уверен во всем? — Проронил я с дрожащим воплем, вцепившись в форму Эгиля у самого горла. Ткань на воротах скрипнула, собравшись в кулаке и наши глаза тут же встретились — От куда ты вообще знаешь все это?

— Йохан, какая разница от куда я это знаю? — Его спокойствие вдруг сменилось диким раздражением — Если я сказал, что все в порядке — значит так оно и есть. А теперь вставай и выметайся от сюда.

Потупившись в его пустое лицо, я рывком отпустил Эгилья и скинул руки прямо в лужу крови. Затем медленно набросил волосы Лейлы ей на лицо. Мне стало стыдно, что она увидит меня, как я просто уйду, даже если уже мертва.

Трясущимися, тяжелыми руками я стянул форму и быстро сунул ее в рюкзак, потом поплелся в ванну, где отмыл с себя запекающуюся кровь и выскоблил ее из-под ногтей. С волос она сошла проще, а вот с чисткой ботинок пришлось заморочиться. Когда я наконец закончил и вышел в спальню, красный шарф что-то набирал в телефоне и совершенно не беспокоился о теле рядом. А я от одного только запаха или взгляда на нее чувствовал позывы тошноты.

На выходе я подобрал визитку отеля, что осталась валяться на полу и закрыл дверь, которая на этот раз казалась такой неподвижной.

По всей видимости, Эгиль не даст мне ошибиться. Он не скинет этот груз на меня.

Глава 4

Я совершил то, что теперь нельзя исправить. Время никогда не вернется назад, а если бы такая возможность все же была, я бы в точности повторил вчерашний день. Я запомнил каждую деталь, каждую черту той ночи. Запомнил тот ночник над кроватью, свет которого падал прямо ей на лицо. Запомнил босые ноги, на которых нервно подергивались пальцы, когда я ударил ее ножом во второй раз. Как она замерла и перестала двигаться, только ее зрачки еще продолжали следить за мной. И даже ее родинку на подбородке, я запомнил.

Однако меня это совсем не трогало. Я понимаю что натворил, но почему-то не осознаю, что это плохо. В газетах всегда печатали о преступниках и их злодеяниях так, будто весь мир теперь встанет вверх тормашками. Хотя по сути, по-скорбят недельку-другую и забудут.

После того, как мы покинули отель я просто вернулся домой. Купил в ближайшем магазине булку с медом и съел ее до последней крошки, а после заснул крепким и спокойным сном. Пока мое тело расслаблялось в мягком матрасе, тело Лейлы, наверное, уже начинало гнить.

Наутро я проснулся до ужаса голодным и сырым. Есть хотелось настолько сильно, что мне было не до Лейлы. Скорее всего, я ни секунды не потратил, чтобы хотя бы вспомнить

ее. А мой желудок все продолжал урчать, холодильник был почти что пустым, ведь последние несколько дней я питался на работе и ничего не покупал домой. Закрыв скрипящую дверцу холодильника я уставился в окно, вывеска магазина в который я обычно хожу раздражающе мигала. Мне никогда не нравилось ходить туда за продуктами. Продавщицы, все до одной, жирные и наглые. На полках стояло много просрочки, поэтому приходилось рыться в товаре до тех пор, пока не наткнешься на что-то более свежее. От морозильников с мясом всегда воняло гнилью, а над прилавками с овощами летали маленькие мошки. Тогда я решил, а почему бы мне впервые в жизни, не съездить в ресторан. Благодаря Желтому Дому, денег для такого похода было достаточно.

Я умылся, начистил зубы до крови из десен и даже использовал зубную нить, причесался и потом долго простоял возле шкафа. А в чем обычно люди ходят в ресторан? Этот вопрос крепко застрял в голове и не давал покоя. Нужно было выбрать что-то приличное, типа рубашки, но кроме рабочей у меня нет других. Тогда, может и простая кофта сойдет? Но вся моя одежда выглядит поношенной и старой, я не могу позволить себе опозориться в ресторане. Значит для начала я куплю себе новую одежду, а затем поеду завтракать. Блестящая идея, подумал я.

Выбрав фирменный магазин, я долго шнырял из одного отдела в другой. Перед глазами ярко мельтешили деловые костюмы и повседневные наряды. Раньше я покупал только

то, в чем нуждался, и не смотрел на цвет вещи или ее фасон. А теперь мне предстоит серьезно подойти к выбору чтобы стать достойным дорого завтрака.

Я решил примерить серую рубашку с длинным, острым воротником и простые, классические брюки. Зайдя в примерочную я удивился ее размерам, здесь было так просторно, что это место вполне сгодилось бы для проживания одного человека. Я аккуратно повесил одежду на вешалку и прежде, чем раздеваться взглянул в зеркало. При таком ослепительном освещении мои потрепанные вещи походи на мусорные мешки, вот только я сам выглядел не лучше, поэтому этот «наряд» как-никак гармонично смотрелся на мне.

Рубашка с брюками сели как влитые, ни одна тряпка еще не была мне настолько по-размеру. Я долго и внимательно крутился перед зеркалом разглядывая свой новый имидж. Все было чудесно кроме одной детали, вот только какой именно я понять не мог. Тогда я начал вглядываться еще пристальнее обычного, думалось, может где нитка торчит или пятнышко какое-то осталось. Но подняв голову повыше, меня осенило. Дело не в одежде. А в моем лице. На фоне этого дорого шмотья, оно казалось каким-то неприятным, немного уродливым. Потускневшая кожа желтоватого оттенка, темные кольца под глазами и загубевшие губы. Разве люди с такими лицами носят дорогие костюмы и ходят в рестораны?

Но я решил не заикливаться на этом, по крайней мере

сегодня, и все-таки купил то, что примерял. На выходе из магазина, я первым делом выбросил свои старые тряпки в урну, затем постарался залезть на байк таким образом, чтобы ни сантиметр не помялся, а после, всю дорогу поправлял края рубашки.

Добравшись наконец-то до ресторана, на часах уже было 11:40, самое время для завтрака. В помещении было мягкое оранжевое освещение, панорамные окна вымытые до блеска, кремовые кресла и коричневые, длинные столы. Каждая мелочь здесь была продумана и поставлена не просто так.

Я уселся в самый центр зала, за стол, ровно над которым висела большая, ажурная лампа и заказал утку с паренными овощами. Я никогда прежде не ел утку. Мясо, наверное, будет невероятно нежным и сочным.

Где-то через минуту ко мне весело подскочила милая официантка. Она была высокой и стройной девушкой с длинными ногами. Пшеничные волосы убранные в тугой хвост, красиво переливались под лампой, а еще на ней не было той же мерзкой губной помады, что и на официантке из «Толпы». На бейджике я прочел ее имя, Анна.

— Пока ваш заказ готовится, могу предложить вам чашку кофе. — Вежливо улыбнулась Анна. Я смущенно кивнул головой и боялся долго на нее смотреть. Тогда руки официантки потянулись передать мне меню и мои глаза мигмом уперлись в ее тонкие, изящные запястья. Она аккуратно перевернула пару страниц и открыла раздел с горячими напит-

ками — До двенадцати часов дня мы не продаем алкоголь. Пожалуйста, выберите предпочитаемый напиток из предложенных. — Но я не мог выбирать сейчас, я был возбужден этими руками. Они были до идеала чисты, ни одной родинки, ни единого шрама или волоска. Так еще и белые как воск, наверное и на ощупь такие же. Настолько великолепны, что их было бы не жалко поместить в рамку и повесить над кроватью — Все в порядке? — Анна начала волноваться и не понимала моего молчания.

— Кофе, пожалуйста. Любой на ваш вкус.

Анна улыбочиво подхватила меню и направилась к барной стойке, а я принялся и дальше разглядывать это прекрасное заведение. На каждом столике стояла небольшая ваза с одним единственным цветком, с подсолнухом. Из-за того, что прямо над вазой висела лампа, цветок ярко сиял и казалось, будто источник света здесь именно подсолнух.

Я немного поигрался с лепестками, а после выглянул в окно. Застывшее бледное солнце висело над морем. Я смотрел на это море уже тысячу раз, но никогда еще не лицезрел его таким же красивым, как сейчас. Вот что значит быть богатым, подумал я, видеть то же, что и остальные, но в разы красивее.

Внезапно в нос ударил пышный аромат кофе, это Анна подходила к моему столу. На ее подносе стояли фарфоровая чашка на блюде, сахарница и несколько шелковых салфеток с названием ресторана. Официантка уже остановилась возле

меня и собралась протянуть чашку, как неожиданно она изменилась в лице. Ее зрачки чуть сузились, а брови странно загнулись. Этого не было сильно заметно, но я чувствовал, как сильно не нравлюсь ей. Неужели с моей одеждой что-то не так? Я ведь долго ее выбирал. Почему же Анна так смотрит на меня?

— У вас милые руки, — нервно я попытался исправить ситуацию, но то было напрасно. Девушка попыталась улыбнуться скорченными от омерзения губами, а затем топая каблуками, убежала на кухню. Я совсем не понимал происходящего, что я такого сделал, чтобы вызвать такую реакцию? Может, она заметила что моя одежда не подходит к моей внешности, увидела в моем облике свинью в костюме? Нет, я в это не верю. На то должна быть другая причина.

Но сейчас не время для того, чтобы выяснять суть недовольства какой-то официантки. Поэтому я решил продолжить наслаждение этим временем.

Приподняв чашку к носу, я глубоко вдохнул его терпкий запах. Когда я просил приготовить его на свой вкус, то надеялся, что эта девушка добавит в напиток сироп или еще какую сладость, однако в итоге это оказался самый обычный, черный кофе. Сделав первый глоток, мне показалось что я вот-вот растекусь по креслу, настолько он был нежным. А после второго хотелось прыгать от радости. До этого мне не удавалось попробовать чего-то такого-же вкусного, по-настоящему вкусного.

Я довольно быстро опустошил чашку и вернул ее на блюдо. Сегодня я впервые держал в ладонях фарфор. Оказывается, он сильно отличается от обычного материала посуды, в руках сидит мягко и выглядит словно полупрозрачное стекло, хотя на самом деле это глина.

В ожидании утки с овощами я хотел еще немного полюбоваться светящимся подсолнухом. Но только я поднял глаза, как заметил, что цветок стал увядать. Листья больше не были такими же яркими, а стебелек перестал быть прочным. Он выглядел испорчено и побито, мне даже захотелось принести для него воды.

Тогда я принялся крутить головой и выискивать официантов, вот только они все стояли вдали, будто боялись подходить ко мне. Я решил посмотреть на чужие столы, может у кого-нибудь тоже начал тухнуть цветок. Однако вместо этого, я столкнулся взглядом с абсолютно каждым гостем. Они все пристально смотрели на меня. Все презирали за что-то. Смотрели и цокали своими языками.

В углу ресторана сидел тонкий мужчина, на первый взгляд противный человек. Он так неотрывно пялился на меня, что начинало тошнить. У него были странной формы глаза, будто козлиные, а пальцы и вовсе походили на длиннющие тростинки. Справа от него сидела влюбленная парочка, оба не сводили с меня глаз, так еще и лица скривили, словно сидят за одним столом с бездомной псиной. А за моей спиной была пухлая дама, одним своим видом олицетворяющая большую

сардельку. Она сердито наблюдала за мной, что я стал себя чувствовать опасным зверем, которому нужен строгий надзиратель и укротитель.

Я резко опустил голову вниз и замер. Мои ладони быстро вспотели, тогда я пустился тереть их теми шелковыми платками, но толку от этого не было. Я просто вытер руки о свои новые брюки и попытался взглянуть на окружающих еще разок. Они продолжали смотреть, следить за мной.

В спине кольнуло острым жаром, будто иглой ткнули. Потом это же ощущение разнеслось по каждому участку тела. Мне было страшно как никогда.

И в этот момент, я понял в чем дело. В примерочной мое лицо показалось мне противным не из-за своего внешнего вида, желтизны или пятен под глазами, оно так уродливо, потому что это — лицо убийцы. Поэтому люди рассматривают меня осуждающими глазами, они знают, что я натворил. Они все знают!

Не дождавись горячей утки с овощами, я схватил шлем и со всех ног выбежал на улицу. Столкнув по пути нескольких людей и споткнувшись на лестнице, я больше не выглядел так же прилично, как с утра. Рубашка немного потрепалась, а брюки помялись из-за того, что я вытер об них сырые ладони. Еще час назад я чувствовал себя лучше всех, почему они должны были узнать все именно сегодня!

Запахавшись, я добрался до своего грязного байка, резво залез на него, натянул шлем и не сдвинулся ни на милли-

метр. Сил не хватило нажать на газ. Смысл мне убегать, если уже все известно? Может, стоит вернуться за стол, съесть утку и после этого громко объявить всем, что вчера я убил Лейлу, любовницу моего начальника? Рассказать, как я душил ее, как планирую разрушить все вокруг Жана Бэнкса? Нет, это плохая идея. Ведь тогда, Эгиль останется один. И ему никто больше не поможет в мести, он ведь тоже как и я, за что-то ненавидит Жана.

Я все же вернулся домой. Внутри было достаточно прохладно и темно. Направившись в спальню, по пути я подобрал рюкзак, в котором осталась валяться вчерашняя, уделанная в крови форма. Я уселся на край кровати, свернулся в крючок, вынул из рюкзака тетрадь с ручкой и поспешил писать: *«Сегодня меня все ненавидели. Когда я уезжал из ресторана (12:16), мужчина стоявший недалеко от входа сплюнул на тротуар и зыркнул исподлобья. Его страшный, жирный нос отдавал отдельную тень на его силуэте. Сразу понятно — мерзкий тип. Потом я заметил как на меня пялится девушка из машины на светофоре. Хотя какая это девушка, скорее загнутая карга с выгоревшими, сальными волосами. Ее сморщенные губы противно свернулись в трубочку при виде меня, так бы и оторвал их, да подвесил бы на ниточке в прихожей. Припарковавшись у дома, я встретил ребенка. Какой-то смуглый пацан лет одиннадцати. Он тоже меня подозревал. Точно подозревал! И зря он это делал, этого мелкого можно спокойно приготовить на ужин*

без лишних заморочек. Как же я всех вас ненавижу! Горите аду!». Я лениво растянулся на кровати раскинув руки в разные стороны. Однако даже укрывшись от всех, я продолжал чувствовать странную скованность и уязвимость. Дом не стал для меня надежным укрытием, и не было никакого другого места, где я бы был в безопасности.

Когда тревога утихла, меня застала жуткая жажда. Прежде я никогда не хотел пить настолько сильно, как в эту минуту. С трудом поднявшись, я поплелся на кухню опираясь о стены. Перетаскивая одну ногу за другой, я споткнулся и улетел к тумбочке, в теле была сильная слабость, будто я весь день перетаскивал какой-то хлам весом с целый автобус. Тумбочка со сломанной ножкой не выдержала такого напора и перевернулась вместе со мной. На ней стоял пустой графин для воды, который упал прямо на ребра. Мне ничего не оставалось, кроме как свернуться клубком и пасть на холодном полу.

Лежа, было видно голубое небо из окна. Я не мог отвести глаз, хотелось взлететь на облака и поселиться там на всю оставшуюся жизнь. А затем, наблюдать сверху на птиц и мелких людишек. Со временем, небо стало темнеть. А я так и продолжал валяться на полу вместе с тумбочкой и графином. Конечности начинали понемногу неметь, или мне это казалось из-за сквозняка. Когда жажда принялась превращаться в нечто большее, я нашел силы подняться. Прежней усталости уже не было, я с легкостью вскочил и наконец до-

брался до кухни. Взял грязный стакан из раковины, открыл кран и без остановки черпал воду. От чего-то я не мог напиться.

Набрав последний стакан воды, я вернулся в спальню. Сел на кровать и раздвинул шторы. Иногда мне нравилось смотреть на вид вечерней улицы. Свет фонарей красиво падает на неровный асфальт, ровным кругом. Я называю это солнечными зонтиками. Но стоило мне выглянуть чуть дальше, как я увидел остановившихся людей по бокам от моего окна. Они все снова на меня смотрели. Они снова меня презирали. Стакан невольно выскользнул из руки и вода разлилась по всей кровати. Схватившись за голову, хотелось сдернуть с себя лицо, чтобы его никогда не существовало. Или хотя бы выколоть глаза, чтобы никогда больше всех вас не видеть! Страх обратно забрался внутрь тела. Я не понимал, чего они от меня хотят и куда мне теперь идти. Но на такие размышления времени больше не оставалось. Выбор у меня был скудный. Бежать или нападать. И я выбрал бежать. Ничего не взяв, не надев куртку я выскочил из дома, где обычно мирно спал и ел. Промчавшись мимо байка, ноги меня несли неизвестно куда. Спотыкавшись об камни и бордюры, я несколько раз чуть не упал. Бежать было толком некуда, поэтому я решил двигаться в сторону моря, которым любовался сегодня за чашкой кофе.

Сумерки с мощным ветром впервые совсем не мешали мне бежать со всех ног. Перед глазами проскальзывали до-

ма, машины и фонари, еще чуть-чуть и я буду на месте. Перебираясь через ограды и кусты, я оказался лицом к лицу с морем. Его сильные волны прибивались к берегу, оставляя после себя пышную пену. Я застыл, стоя на влажном, черстом песке, казалось, что вот-вот провалюсь под него и улечу в какую-то черную, бездонную яму. И я был этому ни капли не против. Приметив неподалеку лавочку я подошел к ней с краю, присел на карточки и укутавшись капюшоном зарылся в колени. Пошевелится лишний раз было страшно. Казалось, что меня снова найдут и будут смотреть.

Просидев так около часа, ноги стали сильно выть от боли, а замерзшая спина словно не могла разогнуться. Где-то издалека слышался слабый звук шагов. Я резко притих и затаил дыхание. Шаги становились все ближе и ближе, тогда и сердце начинало биться все громче и громче. Когда звук прекратился, раздался тонкий, детский голос:

— А вы кто такой? — Спросил ребенок. Я резко обернулся с ужасом в глазах и увидел перед собой маленькую девочку в дождевике и с игрушечным грузовиком в руках. Неужели она тоже все знает? — Я спрашиваю, кто вы такой? Я вот, например, Брита Петтерсен, а ты? — Девочка нагнулась и заглянула под капюшон, посмотрев, та зорко засмеялась, на что я сильно разозлился.

— Уходи прочь!

— Невежливо так себя вести. Родители меня учили, что перед разговором, нужно представится. Ты не представился!

—Брита, или как там тебя, не мешай мне. Уходи от сюда.

—Так нельзя разговаривать с незнакомцами.

—С незнакомцами в принципе нельзя разговаривать.

Особенно, таким как ты.

— Почему?—Недоумевала Брита.

—А что, если я тебя убью?

— Ты не похож на свирепого убийцу, —мягко ответила девочка и протянула руки в перед —смотри что у меня есть!

—Она крутила перед моим носом свой грузовик, набитый песком и камнями —Давай поиграем вместе! Так, как тебя зовут?

— Сказал же, проваливай от сюда.

—Но ты правда не плохой человек.

— Да от куда тебя знать какой я человек? —Мой голос пронзился криком. Маленькая Брита отпрянула назад и плюхнулась в песок —Вчера я убил человека! Просто взял и убил! Разорвал ее тело на куски! —Пока я громко ругался, то не заметил, как девочка начала реветь. Я испугался, что неподалеку могут быть ее родители, которым она все расскажет, поэтому собрался как можно скорее снова убежать. Но мне нужно было хотя бы на немного задержать эту Бриту. Я выхватил из ее рук грузовик, который она со всей силы прижимала к себе и с размаху забросил его в море. Плача, девочка развернулась и поползла за своей игрушкой на коленях. В это время я аккуратно, шаг за шагом, передвигался назад, и когда Брита поднялась с колен побежав за грузови-

ком, я так же ударился в бегство.

Потратив все силы я оперся о толстое дерево и заметил, что у меня тоже потекли слезы. То ли от страха, то ли от злости. А может и потому, что я наконец-то кому-то признался. Слезы катились ручьями, лицо скривилось от непонятой боли в груди, меня так сильно корежило, что стоять на ногах становилось невыносимо. Тогда мое тело прыгнуло к земле, я медленно сполз по дереву и уткнувшись коленями в почву, замер на мгновение. Слева от меня, совсем неподалеку, из-за деревьев виднелся Желтый Дом.

Глаза надулись от удивления поровну со страхом. Дыхание сперло, а стук сердца стал едва ли слышен. Может быть, я оказался здесь потому что только в этом месте на меня не будут смотреть? Но сколько же я тогда пробежал? Почему не устал раньше, почему не остановился? Я не хочу даже видеть Желтый Дом. Мне страшно.

Однако как бы сильно мне не было ненавистно это здание, я не мог отвести от него взгляда. Ведь где-то там внутри, в своем кабинете, сидит подавленный Жан. Да, я именно этого и хотел, но не такой ценой. Теперь я понял, осознал, что это плохо. Я убил не просто тело, я убил жизнь.

Может быть Лейла и была не самым лучшим человеком, но это был всего лишь ее выбор. А теперь, у нее никогда уже не будет выбора, не будет целей или какой-нибудь, пусть даже глупой, мечты. Она плакала, плакала когда я бил ее, хваталась за все вещи подряд, боролась. Лейла не хотела уми-

рать. Что, если она была грубой лишь потому, что у нее выдался тяжелый день? Что, если на самом деле Лейла добрый человек с щедрой душой?

Я полностью выдохся, в голове мелькали события той ночи. Вот она спит, вот брыкается, пока я сжимаю ее шею, вот толкает меня ногой, а здесь она уже обездвиженная, лежит на полу. Какого цвета у нее были глаза? Мне почему-то стало это очень интересно. Я действительно сотворил чудовищный поступок, убив не просто одного человека, а ее планы на жизнь, ее мечты, я стал страшным монстром, обреченным на самую страшную смерть. Я отнял у Лейлы возможность обзавестись семьей, возможность смеяться и плакать, у нее теперь ничего не будет, потому что ее теперь просто нет, не существует.

Глава 5

Спустя время я подобрался к Желтому Дому чуть ближе, встал возле забора и глядел на извилистые фонари за оградой. В окна было почти не видно людей, но иногда все же мелькали чьи-то силуэты. Я выискивал Жана Бэнкса, хоть меня и нагнетал страх от того, что я сильно пожалею увидев его боль, остановиться я не мог. Так прошло 10 минут, затем 15, а после и незаметные 30. Несмотря на холод, я долго прождал в надежде лицезреть аукционера. На улице давным давно стемнело, даже дорогу под ногами можно было разглядеть лишь прищурившись, ветер завыл пуще обычно, а мое тело, будто старая ветка, вот-вот развалится на части. Домой теперь не вернешься, в «Толпу», по пути к которой я столкнусь с еще одной тысячей глаз, я идти не хочу. Неужели мне остается шнырять рядом с этим забором?

В граде листьев я вырыл неглубокую ямку, сел в нее, затянул капюшон тесемками и спрятал ладони в рукава, постарался не колыхаться и дышать только себе под кофту. Иными словами, отчаянно пытался согреться. Нужно было переждать хотя бы до восхода солнца, и только после этого двигаться в сторону дома.

В позе вялого, иссохшего куста я проспал приблизительно 40 минут. Меня разбудил какой-то звонкий треск. Разлепив веки друг от друга, первое, что я увидел, просто какое-то

смутное темное пятно, но стоило немного проморгаться, как зрение вернуло всю свою ясность и я понял, что передо мной стоят ботинки. Лениво задрал голову вверх, я наконец за весь день почувствовал облегчение. Это был Эгиль! Его привычное пальто, красный шарф и лицо кирпичом.

—Что ты здесь делаешь? — Фыркнул Эгиль.

—Там люди.

—Где?

—Везде. Они смотрят. Они все знают.

—Ты бредишь. Иди домой.

—Там тоже смотрят.

—Вставай и иди за мной.

—Нет. Мне страшно.

—Йохан, поднимайся. — Пригрозил Эгиль протянув руку, будто не оставляет другого выбора. Прочно встав на ноги, я подавленно кивнул и поплелся за ним. Мы долго и молча шагали по темному лесу я то и дело спотыкался о каждый корень или ветку на земле. Красный шарф же изредка поглядывал назад в пол оборота, чтобы проверить, продолжаю ли я идти. И каждый раз, я пытался предупредить его, что в город взаправду опасно выходить, но он этого не понимает, Эгиль думает, что я придумываю.

Когда мы вышли на центральные улицы, людей к счастью не оказалось. Наверное, все спят, набираются сил, чтобы продолжить свою охоту завтра. Но от этого спокойней не становилось, я старался и дальше прятаться под капюшоном и

лишний раз не поднимать глаз. Тогда Эгиль резко замер, из-за чего я встолбился прямо в его плечо.

—Что ты так медленно тащишься?

И не успел я ничего ответить, как увидел человека, наблюдающего из-за окна. Мужчина лет тридцати, жевал печенье, слегка отодвинув штору и вытирал пальцы о замусоленную футболку. Всполошившись, я протянул палец в его сторону, на что Эгиль схватив мою руку, попытался увести меня. Но я не мог позволить, чтобы этот человек знал, в какую сторону мы продвигаемся. Освободившись от хватки красного шарфа, я сполз на колени и яро бегая глазами, старался найти хоть какой-нибудь камушек. Эгиль же, в свою очередь, продолжал оттаскивать меня, хватая за плечо. Он ничего не понимает, не понимает, что весь мир теперь знает, какой я страшный человек. Найдя небольшой камень размером с муху, я, замахнувшись со всей силы, зашвырнул его прямо в окно того зеваки. Эхом раздался слабый звон и камешек отскочил обратно на землю. Тогда Эгиль гневно схватил меня за шкурку и потащил дальше, ноги путались друг о друга и я никак не мог выровнять шаг. Остановившись перед многоквартирным зданием, я понял, что он все это время вел к себе домой. Мы затяжно поднимались по лестнице, которая казалась бесконечной, будто каждый раз ставя ногу на ступень, в самом конце добавлялась еще одна. Наконец преодолев ее, красный шарф раздраженно открыл дверь и выбросив ключи в коридор, вцепился в мой рукав и одним резким

толчком закинул меня внутрь.

Не торопясь, он стянул с себя пальто, прибрал его на вешалку и аккуратно, придерживая тыльной стороной ладони, повесил в шкаф. Затем размотал шарф и убрал на отдельную вешалку. Это выглядело так, будто он делает слишком много лишних движений. После этого Эгиль снял ботинки, завязал на них шнурки, выровнял язычки и поставил на полку. Он поправил жилетку на себе и язвительно зыркнул на меня.

—Идем.

Мы вошли в кухню, хотя язык не поворачивался назвать это кухней. Скорее белоснежные хоромы, где каждая часть комнаты забита белой плиткой с матовым блеском. Леденящий свет лился сверху, из встроенных ламп, он отражался ото всего сразу, так что глаза начинало щипать. Посередине стоял стол. Длинный, стеклянный, прозрачный до неприличия. Когда Эгиль отодвинул стул, послышался резкий скрип ножек по плитке, до дрожи противный звук. Я сел и вздрогнул от резкого холода, спинка с сиденьем из стекла, с рисунком, похожим на иней. Затем я бегло обвел глазами стены, они были совсем голыми, ни полок, ни заметок, ни грязи. И окно такое же, даже штор нет. Его квартира, будто маяк, с которого он наблюдает за тихим Харстадом. Я с осторожностью откинулся на стул, но тело оставалось напряженным, здесь был слышен каждый шорох, даже собственное дыхание казалось громким. Это место напоминает шумоизоляционную коробку, в которой нет тиканья часов или гула от холо-

дильника. Но что еще странно, так это отсутствие запахов, как ни пытался, не смог учуять стирального порошка, подсолнечного масла, на котором с утра готовили яичницу или хотя бы слабого парфюма. Не было и следов, которые всегда оставляет человек. Например, небрежно сложенных столовых приборов или засохшей капли от воды на столешнице. Мой мир и его настолько различаются, но почему-то я заметил это только сейчас.

Эгиль повернулся ко мне спиной и облокотился на ребро стола. Он ничего не говорил, только молчал, сложив руки на груди. Я знаю, он ждал, когда я сам признаюсь во всем, но, упершись взглядом в его затылок, было страшно раскрывать рот. Меня будто выворачивало наружу, во рту без остановки набирались слюни, а ладони холодно потели. Вдруг все тело принялось чесаться, казалось, что я чувствую как одежда шевелится на мне. Хотелось раздеться и извиваться червяком на полу. Согнувшись к коленям, я ощутил, как жар стал подниматься с пят до самого подбородка, а пот начал понемногу становиться горячим. И вновь в ушах раздался раздражающий писк, поглотивший все пространство. Мне оставалось лишь терпеть и молиться про себя, хоть я никогда и не верил в Бога. Где-то в затылке ужасно кольнуло, будто туда кто-то уставился сверлящим взглядом, тогда я быстро стал мысленно повторять: «Не смотрите. Не смотрите на меня. Пожалуйста, закройте глаза. Отвернитесь, молю». В этот момент послышался тяжелый выдох Эгиля, он глянул

на меня краем глаза и с брезгливостью отвернулся обратно. Он единственный, кто может оторвать от меня взгляд и не пялиться с подозрением, в этом месте я точно в безопасности. Тогда красный шарф протянул стакан с водой, и увидев замершее туловище, тот поднял мою ладонь и прислонив к ней стакан, прижал пальцы. Ощувив тяжесть наполненного стакана, я словно проснулся. Я снова вспомнил все, что произошло.

—Эгиль, кажется, я признался Брите. Мы ведь не убьем ее, да? Эгиль, скажи, что мы ее не тронем. Пожалуйста.

—Какая еще Брита?

—Девочка у моря. Точно, девочка, ребенок. У нее... был маленький грузовик. Она просто ребенок.

—Что ты ей сказал?

—Мы ее не будем трогать?

—Йохан, скажи, что именно знает Брита?

—У нее был маленький грузовик. Такой, синего цвета, как море. И еще, кажется, дождевик. Да, точно, дождевик.

—Йохан.

—Я тогда испугался, сильно испугался и выбросил ее игрушечный грузовик. Я всего лишь хотел, чтобы она отстала от меня. — Горло сжалось, воздуха совсем не осталось — А что, если она утонула? Эгиль! Что, если из-за меня, Брита утонула! — Я торопливо вскочил со стула и схватился за плечи Эгиля — Нужно сейчас же проверить!

—Йохан. Сядь на место.

—Она не может умереть из-за меня! Ей нельзя умирать из-за меня. Эгиль, ты не понимаешь. Я никогда не отмою свои грязные руки. — Усевшись на стул, я вжался лицом в ладони и продолжал скулить как нелепое животное. Попытался закрыть глаза, но не смог. Там, под веками, что-то мешает. Я до жжения тер их кулаками, но оно не уходило. Красный шарф стоял колом надо мной совершенно не двигаясь, он молча наблюдал за тем, как я извиваюсь и вою. Затем тот мягко улыбнулся:

—Ты говоришь о Брите с грузовиком и в дождевике?

—Да. Ты что, ее знаешь?

—Конечно знаю. С ней все хорошо, она дома, с родителями.

—Точно?

—Точно.

—Значит, мы ее не будем обижать?

—Не будем.

—Это хорошо. Теперь я спокоен. Да, теперь я точно спокоен.

—Спокоен? А ты имеешь на это право? — Неожиданно, красный шарф странно изменился в лице — Почему ты чувствуешь спокойствие? Потому что Брита жива и здорова? Но Йохан, теперь она знает, что ты убийца. — Эгиль прав, она тоже все знает. Она тоже начнет на меня смотреть. Значит и ее нужно убрать. Эгиль не может ошибаться — Почему ты допустил это?

—Я не специально. — Вырвалось из меня кратким ответом. Эгиль смотрел на меня, секунду, две. Потом его рука дернулась, я даже не заметил, просто оказался притянутым к нему за волосы. Голова запрокинулась, а шея неприятно натянулась.

—Йохан, я не спрашиваю было это намеренно или нет. — Его кулак сжимался все сильнее, а голос становился тяжелее — Я спрашиваю: почему?

—Я... испугался.

—Испугался? — Одним рывком его рука подняла меня со стула. Я повис, мне будто стянули скальп. Он несколько раз тряхнул меня в сторону и продолжал поднимать все выше — Чего ты испугался? Что тебя могло напугать в каком-то ребенке? — Я пытался ухватиться за его запястье, но пальцы соскальзывали. Он даже не напрягался, просто держал меня, как собаку за ошейник. — Отвечай.

—Я не знаю. Я... — Эгиль дернул сильнее. Я слышал, как со скрипом рвутся волосы.

—Ты не знаешь? — Он подтянул меня ближе, так что я видел его зрачки в упор. Узкие, черные зрачки — Ты убил человека, Йохан. А теперь боишься девочку с грузовиком? Если ты еще раз откроешь рот перед кем попало, я закрою его сам. Навсегда. Ты меня понял? — Я старался кивнуть, но он держал слишком крепко — Я спрашиваю: ты понял меня? —Да.

Эгиль разжал кулак. Мешком я рухнул на стул, позво-

ночник впечатался в стеклянную спинку стула. Меня словно камнем прижало, даже пальцы не шевелились. Чуть погодя я поднес руку к затылку, мокро. Кровь или пот, я не понимал. Красный шарф поправлял рукава не отводя от меня взгляда, тогда я понял, глазами, которых я так боялся, повелевал этот человек. Он притащил меня сюда, чтобы поставить на место, чтобы показать, что я больше не могу ошибаться, мой лимит исчерпан.

Вдруг все начало медленно мутнеть, будто вся кровь из головы прильнула куда-то к ногам. Туловище стало неподъемным, теперь я точно не мог поднять и пальца. Картинка перед глазами немного содрогалась и тряслась из стороны в сторону. Голова резко опустилась и изо рта вывалилась слюна, я походил на неподвижное чучело. Эгиль быстро подскочил, и опустившись на корточки опрокинул голову обратно. Я чувствовал, как вся одежда в миг становится сырой, а руки сворачиваются в грабли.

—Йохан? — Едва доносился голос Эгиля. А у меня сил не хватало даже глазами двигать. Он прижал меня к стулу и намочив полотенце холодной водой, стал обтирать мое лицо. Человек, который только что грозился заткнуть меня навечно, аккуратно вытирает мне слюни. Какое унижение.

Кажется, глаза закрылись на мгновение, а когда я снова пришел в себя, то красный шарф уже растирал онемевшие пальцы.

—Желтый Дом. — С хрипом выдавил я — Мне нужно

увидеть Жана.

—Завтра увидишь.

—Нет, мне нужно сейчас.

—Ты сидишь только из-за того, что я держу тебя. Ты и метра пройти не сможешь.

—Мне нужно увидеть Жана.

—Йохан, ты хочешь испортить все еще больше? — Его рука снова сжалась, а брови упали к векам. Но после тихого вдоха, Эгиль немного успокоился — Комната справа. Ложись спать, завтра поедem в Желтый Дом.

Я сдался. Эгиль отвел меня в комнату и усадил на кровать. Когда дверь за ним закрылась, меня окружила та прежняя тишина. Стены здесь тоже белые, даже махровые тапки рядом не отличались цветом. На тумбочке возле кровати лежали таблетки от головы и бутылка минеральной воды. Если бы только я не был сейчас таким слабым, я бы одним движением руки столкнул эту бутылку с таблетками. Я бы раскидал постельное белье, что так ровно заправлено. Разбил бы окно, швырнув в него дверной ручкой. И перевернул бы кровать вверх тормашками. Но мое тело как тряпка, я могу только опрокинуться назад и закрыть глаза. Эгиль специально не оставляет мне иного выбора, в конце концов я всегда делаю то, что хочет он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.